

Якуб М. Годзимирски

Как жить в треугольнике? Шансы и вызовы нового и старого соседства России и НАТО

Введение

Одной из центральных тем идущей в России дискуссии по проблемам национальной безопасности и внешней политики в постсоветский период является вопрос о складывающихся сейчас отношениях между этой страной и НАТО, военным союзом государств Запада. Среди проблем, тормозивших развитие конструктивных отношений между этими двумя важными политическими образованиями, одним из главных камней преткновения всегда оставался вопрос о планировавшемся, а ныне – реализуемом расширении НАТО. Одна из причин этого торможения заключалась в том, что Россия долгое время явно рассматривала основы международных отношений с реалистической и геополитической точки зрения, видя в них своеобразную игру в зеро, где ставками были баланс сил, территория и контроль. Поэтому само существование НАТО воспринималось Москвой как реальная проблема, бросающая вызов внешней политике России и ее политике в области безопасности. Любое расширение союза, особенно когда речь шла, по словам русских, о его «приближении к границам России», расценивалось ими как вполне реальная попытка со стороны Запада заполнить вакуум силы в Центральной Европе и в качестве таковой интерпретировалось как абсолютно противоречащее национальным интересам России. Результатом ухода Советского Союза из Центральной Европы и последовавшего затем его роспуска была утрата Россией контроля над буферной зоной, отделявшей ее от того, что российскими умами издавна воспринималось как агрессивный западный военный блок. Из-за

растущего неравенства в силах, обозначившегося между альянсом и ослабевшей Россией, а также упомянутого «реалистического» подхода к вопросу о международной обстановке, общая граница с альянсом неизбежно должна была восприниматься российскими политиками как брошенный им вызов. Только совсем недавно случилось так (особенно на волне того, что и на Западе, и на Востоке расценили как крен в сторону сотрудничества с Западом, наметившийся в российской политике после событий 11 сентября), что вопрос о расширении НАТО, по всей видимости, уже не стоит в центре повестки дня в политических отношениях между Россией и Западом.

В период между роспуском Советского Союза и первым расширением НАТО в 1999 году. Россия имела общую сухопутную границу только с одной страной НАТО – Норвегией. Не в последнюю очередь из-за того, что и Россия, и НАТО рассматривали этот участок суши как зону, имеющую стратегическое значение, упомянутая граница протяженностью в 167 км оставалась районом потенциальной конфронтации между двумя мощными военными блоками вплоть до самого конца «холодной войны». Первое расширение альянса, состоявшееся в 1999 году, внесло драматические перемены в контуры соседства Россия-НАТО. Хотя к существовавшей прежде общей границе между Россией и НАТО добавилось всего лишь 210 км и ее протяженность теперь составила 367 км, причем эти 210 км лишь немногим превышали 1% от общей протяженности сухопутной границы страны, расширение альянса имело большое символическое значение. Во-первых, оно так или иначе произошло, причем вопреки громогласным протестам и даже угрозам со стороны России; во-вторых, НАТО решило расширяться за счет территорий, многие годы и даже столетия воспринимавшихся всеми как сфера влияния России; в-третьих, НАТО решило расширяться до границ России, что было расценено там как признак игнорирования Западом проблемы геополитической уязвимости этой страны.

Цель нашего краткого исследования – пролить свет на то, каким образом влияло на отношения России с ее старыми и новыми натовскими соседями их членство в альянсе. Надеемся, что, дав ответ на этот вопрос, мы сможем предсказать, в каком направлении будут развиваться отношения России с новыми членами НАТО, которых пригласят на Саммит альянса в Праге. Наше внимание мы сосредоточим на отношениях

России с двумя странами, сегодня являющимися полноценными членами НАТО, но пришедшими в эту организацию совершенно различными путями, – Норвегией, одним из «отцов-основателей» НАТО и единственным из участников альянса, имевшим общую границу с Россией в период между роспуском Советского Союза в 1991 году и первым расширением НАТО в 1997 году, и Польшей, проделавшей долгий путь от пребывания в роли советской марионетки в Европе, разделенной между двумя военными блоками, до превращения в одного из трех новых членов НАТО, вступивших в альянс по ходу его первого расширения после окончания «холодной войны».

Поскольку НАТО всегда традиционно воспринималось в Москве как военный союз и американский форпост в Европе, а такое отношение к альянсу, по-видимому, отмирает с трудом даже после событий 11 сентября, отношения России с двумя ее натовскими соседями остаются – и останутся таковыми в обозримом будущем – производными от отношений России с этой организацией, обеспечивающей безопасность странам Запада. В данном исследовании наше внимание, тем не менее, сосредоточится на двусторонних отношениях, существующих между Россией и упомянутыми двумя странами, тогда как само НАТО появится в нем только в тех случаях, когда членство в нем будет играть решающую роль как таковое.

НАТО создавалось как оборонительный альянс, главная задача которого состояла в защите суверенитета и независимости стран-участниц, оказавшихся лицом к лицу с коммунистической сверхдержавой, чьи действия мотивировались идеологическими соображениями. После крушения Советского Союза эта прямая угроза Западу исчезла, и альянсу пришлось искать новые оправдания своему существованию, уделяя больше внимания новым типам угроз и опасностей. Поэтому НАТО сегодня – это своего рода организация двойного назначения. Существует старое НАТО, часто упоминающееся как «НАТО статьи № 5», которое, по идее, должно гарантировать своим членам защиту от того, что может быть названо реальными угрозами; но есть и новое НАТО, использующее свои ресурсы, чтобы локализовать, контролировать и решать проблемы, которые, по-видимому, лишь косвенно влияют на безопасность стран-участниц. Таким образом, членство в альянсе связано не только с получением гарантий «жесткой» безопас-

ности, но, вероятно, и с обретением защиты от угроз, порождаемых иными сегментами «спектра безопасности».

Анализируя ситуацию в четко ограниченном географическом ареале, куда входят Россия и страны НАТО, причем ареале в его новом институциональном обрамлении, созданном двумя более или менее удачными попытками институционализации отношений России с НАТО накануне первого и второго расширения альянса в 1997 и 2002 гг., соответственно, нужно начинать с идентификации фигурантов и их интересов. Более того, совершенно необходимо еще и выяснить, не столкнутся ли в будущем эти интересы, к каким последствиям для фигурантов могут привести такие столкновения, когда речь пойдет о способности заинтересованных сторон преследовать свои собственные цели – политические, экономические или связанные с проблемами безопасности, а также какую роль сможет сыграть НАТО в данном процессе.

Идентификация фигурантов – задача относительно легкая. Как уже говорилось выше, в центре нашего внимания будут находиться отношения, существующие в треугольнике «Россия-Норвегия-Польша», и та роль, которую может сыграть НАТО при выборе ими тех или иных политических решений. Что же касается определения их интересов, с относительной легкостью можно будет идентифицировать те из них, к которым применимо определение «реальные и насущно важные интересы», тогда как подлинной проблемой, по-видимому, явится определение того, каким образом эти обобщенные интересы проявятся в соответствующей политической или исторической ситуации.

Любой перечень национальных интересов обычно открывается описанием довольно обобщенных интересов в области достаточно широко трактуемой национальной безопасности. Такие перечни обобщенных национальных интересов разительно похожи друг на друга, и во всех них конкретизируются самые главные цели государственной политики. Начнем поэтому с того, каким образом национальные интересы определяются по обе стороны новой границы между НАТО и Россией.

Национальные интересы и опасения России

Чтобы проанализировать возможности сотрудничества и вероятность конфликтов между Россией и «новым» НАТО,

нужно начать с уяснения того, как Россия определяет свои интересы, цели и роль во всем указанном регионе. Новейшая Концепция национальной безопасности России КНБ-2000, утвержденная президентом Владимиром Путиным 10 января 2000 года, дает нам некоторые указания на то, в каком ключе элита этой страны определяет основные и узко конкретные интересы России на пороге XXI в.¹

Хотя КНБ-2000, в отличие от предыдущего документа 1997 года, не содержит никакого определения понятия «национальные интересы», она трактует последние в качестве совокупности сбалансированных интересов личности, общества и государства в «экономической, внутривластной, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах». Интересы личности сводятся в ней к реализации конституционных прав и свобод, обеспечению личной безопасности, повышению качества и уровня жизни в физическом, духовном и интеллектуальном развитии человека и гражданина. Основные интересы общества, согласно КНБ-2000, состоят в упрочении демократии, в создании правового и социального государства, в достижении и поддержании общественного согласия и духовном обновлении России.

Когда же речь заходит о том, что можно определить как традиционные «национальные интересы», упор делается на следующие факторы:

- незыблемость конституционного строя России,
- суверенитет страны,
- обеспечение ее территориальной целостности,
- экономическая и социальная стабильность,
- поддержание правопорядка,
- развитие равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества.

В КНБ-2000, авторам которой экономический кризис 1998 года преподал болезненный урок, самым недвусмысленным образом подчеркивается важность проведения в России экономических реформ: «Реализация национальных интересов России возможна только на основе устойчивого развития

¹ Глубинный анализ российских концепций национальной безопасности см. в статье: J.M. Godzimirski, *Russian National Security Concepts 1997 and 2000: A Comparative Analysis* // "European Security", 2000, vol. 9, no. 4, p. 73-91.

экономики. Поэтому национальные интересы России в этой сфере являются ключевыми».

Теперь о том, как в КНБ-2000 определяются национальные интересы России в международной сфере. Основными целями внешней политики государства являются «обеспечение суверенитета, упрочение позиций России как великой державы – одного из влиятельных центров многополярного мира».

В КНБ-2000 также говорится, что одна из целей российской внешней политики состоит в защите «законных прав и интересов российских граждан за рубежом, в том числе с применением в этих целях мер политического, экономического и иного характера».

Кроме того, авторы КНБ-2000 подчеркивают важность национальных интересов России в военной сфере. Главным в этой связи они считают защиту «ее независимости, суверенитета, государственной и территориальной целостности, в предотвращении военной агрессии против России и ее союзников...» Несколько далее в тексте говорится, что «важнейшими составляющими национальных интересов России являются защита личности, общества и государства от терроризма, в том числе международного».

КНБ-2000 содержит перечень угроз национальной безопасности России в международной сфере. По мнению авторов Концепции, в число факторов, порождающих внутренние и внешние угрозы национальной безопасности страны, относится, в частности, «обострение межнациональных и осложнение международных отношений». В КНБ-2000 утверждается, что главным источником нестабильности и опасности является слабость российской политической и экономической системы. Что же касается угроз национальной безопасности России в международной сфере, то к ним авторы КНБ-2000 относят:

- 1) стремление отдельных государств и межгосударственных объединений принизить роль существующих механизмов обеспечения международной безопасности, прежде всего ООН и ОБСЕ;
- 2) опасность ослабления политического, экономического и военного влияния России в мире;
- 3) укрепление военно-политических блоков и союзов, прежде всего расширение НАТО на восток;

- 4) возможность появления в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз и крупных воинских контингентов;
- 5) распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки;
- 6) ослабление интеграционных процессов в Содружестве Независимых Государств;
- 7) возникновение и эскалация конфликтов вблизи государственной границы Российской Федерации и внешних границ государств-участников СНГ;
- 8) притязания на территорию России.

В какой степени эти стратегические интересы России и ее опасения распространяются на российское соседство со «старым» и «новым» НАТО? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется выяснять, какие цели обычно ставят перед собой натовские соседи России в сфере внешней «оборонной» политики, а также в сфере политики в области национальной безопасности и каким образом способы достижения ими данных целей влияют на развитие их отношений с Россией и на видение Россией роли НАТО.

Россия и Норвегия: от геополитики к геоэкономике?

В книге, опубликованной в начале 1990-х гг. и содержащей интересный анализ военно-морской стратегии Норвегии в период после окончания «холодной войны», адмирал Якоб Бёрресен приводит целый список главных национальных интересов своей страны. Согласно этому перечню, основные цели внешней политики Норвегии и ее политики в вопросах безопасности должны состоять в следующем:²

- предотвращение войны в регионе;
- обеспечение суверенитета государства и право формировать его общество;
- способствование мирному развитию международной обстановки во всем мире.

Подобные перечни национальных интересов можно найти и в других официальных документах и заявлениях. Например, в “Stortingsmelding No 22” (1997-98) в качестве основных

² J. Børresen, *Kystmakt. Skisse av en maritim strategi for Norge*, Oslo: Cappelen and Europa-programmet, 1993, p. 219.

ориентиров внешней политики Норвегии и ее политики в области безопасности приводятся следующие интересы:

- предотвращение войны, способствование стабильности и мирному развитию;
- обеспечение прав и интересов Норвегии, ее свободы маневра и способности противостоять политическому и военному нажиму;
- обеспечение и защита суверенитета страны.

Для того, чтобы сделать «операбельными» эти достаточно обобщенно сформулированные «интересы», их следует рассмотреть в более конкретном контексте. В случае Норвегии существуют по крайней мере три весьма важных контекста, в рамках которых осуществляется ее внешняя политика и политика в области безопасности³. Из-за специфики географического местоположения страны, ограниченности ее ресурсов, а также вхождения Норвегии в ряд международных организаций самыми важными элементами и факторами, формирующими ее национальную политику, являются трансатлантические связи, Европейский Союз и Россия⁴. Хотя страна не входит в Европейский Союз, решения, принимаемые в Брюсселе, оказывают на Норвегию самое непосредственное влияние. В ситуации, когда страна из-за собственного нежелания вступать в ЕС не может рассчитывать на Союз как на гарант своей безопасности – «жесткой» и «мягкой», необходимость в хороших отношениях с Вашингтоном становится еще более очевидной. Самой важной организационной структурой, в рамках которой осуществляется это партнерство, все еще остается НАТО⁵, дающее Норвегии

³ Более подробно о норвежской трактовке этого расширенного контекста см. в кн.: I.B. Neumann, S. Ulriksen (eds.), *Sikkerhetspolitikk. Norge i maktrianget mellom EU, Russland og USA*, TANo Aschehoug; Oslo, 1996, а также: I.B. Neumann, *Norges handlingsrom og behovet for en overgripende sikkerhetspolitisk strategi*, Oslo: The Norwegian Atlantic Committee, 2002. Публикация представляет собой интересный пример того, как видятся в Норвегии интересы страны и пути их реализации.

⁴ О месте России в процессе формирования норвежской политики в области безопасности см. параграф 3.9.1 *St.prp. nr. 45 (2000-2001) Omleggingen av Forsvaret i perioden 2002-2005. Tilredning fra Forsvarsdepartementet av 16. februar 2001*.

⁵ Более подробно об этом аспекте см. в кн.: B.O. Knutsen m.fl., *Europeisk sikkerhet i en foranderlig tid. En analyse av Norges utenriks- og sikkerhetspolitiske handlingsrom // "Security Policy Library 4"*, Oslo: Den norske Atlanterhavskomiteé, 2000.

гарантии «жесткой» безопасности во времена бурных перемен, происходящих в соседних с ней странах, особенно в России⁶.

Хотя восприятие возможной угрозы в сегодняшней Норвегии изменилось по сравнению с тем, что было в годы «холодной войны», и, согласно официальной точке зрения, стране не угрожает какое-либо крупномасштабное вторжение извне, Норвегия все еще должна учитывать определенные угрозы в сфере безопасности, что связано прежде всего с необходимостью защищать свои экономические интересы. Наиболее практичным способом решения этих проблем является сотрудничество с НАТО и Европейским Союзом, тогда как Россия представляется сегодня скорее «геоэкономическим» фактором, а не геополитической угрозой.

В. Кибсгаард, опубликовавший ряд статей об экономических интересах Норвегии в новой международной ситуации⁷, основное внимание уделяет важности для страны ресурсов моря (газ, нефть, рыба) и перечисляет следующие «экономические интересы», которые Норвегии необходимо защищать с помощью различных средств и в сотрудничестве с различными партнерами⁸:

- обеспечение устойчивого и оправданного уровня эксплуатации энергетических ресурсов континентального шельфа;
- обеспечение доступа к рынкам, защита суверенных прав страны на море;
- обеспечение максимально возможного притока капитала;
- способствование тому, чтобы трения между великими державами в конфликтных зонах Мирового океана оставались бы на невысоком уровне.

В чем и где эти цели Норвегии могут войти в противоречие со стратегическими и региональными целями России? Каким

⁶ Отношения между Россией и Норвегией описаны в *Omleggingen av forsvaret...* следующим образом: «Сегодняшняя Россия не представляет для Норвегии никакой угрозы. Отношения между Россией и Норвегией в ближайшее время будут развиваться как асимметричные отношения между маленькой страной и великой державой. Эти отношения и впредь будут чреваты проблемами для норвежской политики в области безопасности».

⁷ В. Kibsgaard, *Why Energy has become a Security Policy Problem* // "Security Policy Library 6", Oslo: Den norske Atlanterhavskomite, 1998; В. Kibsgaard, *Norske havomrader: Strategiske og sikkerhetspolitiske utfordringer* // "Security Policy Library 9", Oslo: Den norske Atlanterhavskomite, 2000; и В. Kibsgaard, *Norge i energiens geopolitikk* // "Det sikkerhetspolitiske bibliotek no. 3". Oslo: Den norske Atlanterhavskomite, 2001.

⁸ В. Kibsgaard, *Norske havomrader...*, op. cit., p. 6.

образом российские интересы и опасения, перечисленные в КНБ-2000, могут быть перенесены в контекст российско-норвежских отношений? Абсолютно ясно, что существуют области, где сотрудничество между двумя странами может протекать весьма гладко, но есть и другие, где трений куда больше⁹. Остается целый ряд вопросов, которые обе стороны характеризуют как вызывающие озабоченность. Перечень шероховатостей, обычно обсуждаемых на встречах и переговорах между российскими и норвежскими политиками, по-видимому, включает в себя следующие моменты:

Отсутствие прогресса в работе по определению границы в Баренцевом море. Подобное размежевание необходимо для привлечения потенциальных инвесторов, которые могли бы помочь в разработке и эксплуатации крупных месторождений энергоресурсов, обнаруженных в этой районе. Определение границы важно и для устойчивого управления морересурсами региона.

Управление морересурсами в норвежской экономической зоне и в районе, который Норвегия определяет как свою «зону ответственности», символизируется, прежде всего, арестами российских рыболовецких судов и «преследованием» их команд¹⁰.

Политика Норвегии в вопросе о российском присутствии на Шпицбергене и ее отношение к этому присутствию рассматривается как попытка вынудить Россию уйти из данного стратегически важного региона и как попытку Норвегии «милитаризировать» эту особую зону¹¹; со своей стороны, Норвегия явно проявляет нервозность относительно попытки России де-факто изменить режим, существующий в регионе в соответствии с

⁹ Более подробно о развитии двусторонних российско-норвежских отношений в ситуации, сложившейся после окончания «холодной войны», а также о различных аспектах этих отношений см. в следующих публикациях: A. Kjølberg, *Norges forhold til Russland og Rst-Europa* // T. Knutsen, G. Sjørb, S. Gjerdlker (eds.), *Norges Utenriskpolitikk*, Oslo: Cappelen, 1997, p. 347-369; и T. Laugen, *Mot et kaldere klima? Utviklingen av det bilaterale forholdet mellom Norge og Russland p 1990-tallet* // "Internasjonal politikk", 2001 vol. 49, no. 2.

¹⁰ Более подробно о российских точках зрения на проблемы, связанные с управлением этими ресурсами, см. в статьях: Комаров Б. *Не используются богатейшие ресурсы Заполярья* // Независимая газета. – 2000. – 15.03. и Зиланов В. *Морской узел* // Независимая газета. – 1999. – 10.11.

¹¹ Более подробно о российском подходе к этой проблеме см. в статье: Егорова Л. *Тихая война вокруг Шпицбергена* // Независимая газета, 10.11.1999.

Договором по Шпицбергену. Отправка российского эсминца «Североморск» в этот район в июне 2002 года рассматривается как попытка со стороны России продемонстрировать стремление к защите своих экономических интересов в регионе.

Происходящее в настоящее время и потенциальное загрязнение района, примыкающего к норвежско-российской границе, а также акватории Баренцева и Норвежского морей, важных для норвежской и российской рыбной промышленности, российскими промышленными (Никель) и радиоактивными отходами (находящимися на Кольском полуострове). В последние месяцы норвежские власти проявляют скептицизм относительно планов России импортировать радиоактивные отходы с целью их дальнейшей переработки на своей территории, так как существует опасение, что это может привести к загрязнению акватории вдоль побережья Норвегии, поскольку Россией планируется импортировать большую часть радиоактивных отходов морским путем.

Введение Норвегией режима, оговоренного шенгенскими соглашениями, затрудняет посещение этой страны российскими гражданами.

Решение Норвегии ослабить некоторые из самоограничений на проведение мероприятий оборонного характера в Финнмарке, а также присутствие иностранных войск и проведение маневров в этом ключевом районе, граничащем с Кольским полуостровом, стратегически важным для России.

Радарная станция «Глобус-II» в Вардэ¹², которая воспринимается российской стороной как составляющая планов США по созданию новой национальной системы противоракетной обороны (НСПО); согласно точке зрения России, этим шагом Договор по ПРО от 1972 года будет аннулирован¹³.

Эти опасения, преданные широкой огласке, связаны с тремя аспектами двусторонних отношений. Первый аспект – это то,

¹² О российской интерпретации предназначения радарной станции в Вардэ см. статьи: Черняков П. *Радар беспокоит норвежских депутатов* // Независимая газета. – 2000. – 23.05. (а) и Черняков П. *Игорь Иванов в Бергене* // Независимая газета. – 2000. – 23.06 (б).

¹³ Более подробно о норвежской точке зрения на радарную станцию в Вардэ см. сайт: <http://www.fo.mil.no/etterretningsstab/globusii/index.html>

каким образом суверенитеты двух стран пересекаются в данном регионе. Вопрос о статусе Шпицбергена и роли России в регионе, управление морскими ресурсами и проблемы определения границы в Баренцевом море тесно связаны с тем, что можно определить как «пересечение притязаний в вопросе о суверенитете» в данном регионе.

Данный вопрос тесно связан с проблемами чисто экономического характера. Две страны выступают с претензиями на суверенитет над отдельными районами либо не могут договориться об их разделе (или о разграничении ответственности, как в случае со Шпицбергенем), потому что эти районы представляют собой определенную экономическую ценность или хотя бы считаются экономически значимыми. Внимание, уделяемое экономическим аспектам, явственно связано со смещением фокуса национально-державной стратегии России. Прагматизм во внешней политике и политике в области безопасности, провозглашаемый Владимиром Путиным с тех самых пор, как его назначили премьер-министром, а затем избрали президентом страны, результатом своим имел переформулирование целей России. После трагического происшествия с «Курском» стало ясно, что страна уже не сможет поддерживать свой статус на Крайнем Севере, если экономической реформе не будет уделяться больше внимания. Во времена «холодной войны» основные трудности в советско-норвежских отношениях имели геополитический характер, сегодня же проблемы возникают в основном как следствие того, что можно определить как «геоэкономизация» политики в обеих странах.

Третья группа проблем связана с участием Норвегии в различных международных структурах или ее сотрудничестве с ними. То, что российской стороной воспринимается как повышенная военная активность на норвежском Севере (маневры с участием иностранных войск в Финнмарке, радарная станция в Вардё), должно восприниматься в контексте членства Норвегии в НАТО в качественно новой международной ситуации. Норвегия утратила многое из той роли, которую она играла в НАТО в годы «холодной войны» из-за своего стратегического местоположения, и власти страны решили обратиться к союзникам и снова пробудить их интерес к Норвегии, предложив им там новые возможности. Предоставление территории Финнмарка для проведения маневров с участием иностранных войск не означает, что Норвегия

ощущает какую-либо угрозу в этом регионе и приглашает иностранные войска, чтобы усилить свою безопасность; скорее это признак нормализации ее отношений с Россией. Старые ограничения можно снять, потому что политические причины и соображения безопасности, по которым они были введены, более не актуальны, так как у двух стран появились новые – и многочисленные – арены, где они могут продемонстрировать широкий спектр мероприятий, направленных на укрепление доверия и взаимной безопасности. Одним из лучших доказательств серьезности Норвегии в вопросе о создании нового типа отношений со своими старыми и новыми партнерами, а также того, что страна не видит никакой угрозы на своих северных рубежах, является программа перестройки ее вооруженных сил. Когда эта программа будет осуществлена, то итогом ее станет значительная демилитаризация норвежского Севера, серьезное свертывание военных структур Норвегии и их адаптация к новым реалиям, возникшим после «холодной войны»¹⁴.

Введение «шенгенского пропускного режима» на норвежско-российской границе – еще один результат принадлежности Норвегии к международным структурам; это решение было принято не столько против России, сколько в пользу более тесного сотрудничества с Европой. То был шаг во спасение «северного сотрудничества». Хотя на ближайшую перспективу введение «шенгенского режима» сулит явные неудобства для российских граждан, оно, как ни парадоксально, означает дальнейшую «интернационализацию» Норвегии. Если России удастся договориться с Европейским Союзом о новом пограничном режиме для своих граждан, этот договор автоматически отразится и на пограничном режиме на Крайнем Севере и граница между Россией и Норвегией станут гораздо более прозрачной.

Б. Кибсгаард¹⁵ перечисляет пять факторов, играющих решающую роль в формировании восприятия места Норвегии в международном контексте. Четыре фактора из пяти – экономические (геоэкономические) по характеру, и только один трактуется в «геополитических» терминах. Хотя «холод-

¹⁴ Более подробную информацию на английском языке, относящуюся к проводимой в Норвегии военной реформе см. по след. адресу: <http://odin.dep.no/fd/engelsk/index-b-n-a.html>

¹⁵ B. Kibsgaard, *Norske havområder...*, op. cit., p. 4-5.

ная война» и закончилась, во всех пяти случаях в роли потенциального соперника, как и раньше, выступает Россия:

- 1) Норвегия стоит на втором/третьем месте в мире по экспорту сырой нефти и таким образом представляет собой геоэкономическую угрозу России, поскольку обе страны зависят – хотя каждая по-своему – от продажи нефти на одном и том же мировом рынке;
- 2) Норвегия стоит на втором месте в мире по экспорту природного газа на европейский рынок и является непосредственным конкурентом России в «европейской газовой игре»;
- 3) Норвегия отвечает за управление морересурсами в крупнейшей экономической зоне Европы (ок. 2 млн. кв. км – в семь раз больше площади континентальной Норвегии); эта зона граничит с районами, контролируемые Россией, и Россия может стать одним из главных источников загрязнения окружающей среды в указанной экономической зоне из-за складирования радиоактивных отходов в смежном с ней районе, проблем с их переработкой и российских планов импортировать радиоактивные отходы по морю, вдоль побережья Норвегии;
- 4) Благодаря высоким доходам от продажи нефти и газа (Государственный нефтяной фонд) Норвегия может превратиться и в одного из крупнейших экспортеров капитала, а Россия, ее ближайший сосед, вполне вероятно выкажет интерес к привлечению известной части этого капитала; однако, чтобы привлечь данный капитал, России придется что-то предпринять для изменения своей репутации как страны высокого инвестиционного риска, а ее властям – осуществить программу реформ; с другой стороны, как ясно показал «рейд» ЮКОСа в Норвегию в конце 2001 года, российские «игроки» могут быть заинтересованы в инвестировании своих средств за границей или в поглощении иностранных компаний как с целью задействования избыточного капитала, так и для реинвестирования средств, временно размещенных в налоговых убежищах;
- 5) Единственным геополитическим «пунктом» в перечне Кибсгаарда является географическое месторасположение страны в регионе, считающемся стратегически важным и трансатлантическим сообществом, и теми силами в России, которые видят в ней мировую державу или региональную силу, способную бросить вызов трансатлантическому сообществу; это значение страны становится особенно ясным в

ситуации, когда Россия, по-видимому, начинает рассматривать Крайний Север и свой Северный флот в качестве ключевых факторов, могущих обеспечить выполнение ее новой военно-морской доктрины на 2000-2010 гг., утвержденной президентом Путиным 4 марта 2002 года.

Анализ отношений между Норвегией и Россией, сфокусированный на интересах двух сторон, выявляет известную асимметрию в восприятии ими друг друга. Если Россия, даже ослабленная десятью годами кризиса, все еще остается важным фактором, формирующим политику Норвегии и представляющим собой проблему для норвежских политиков, то Норвегия видится в России прежде всего как одна из составляющих более широкого контекста отношений России с Западом и его институтами, в первую очередь НАТО¹⁶. Тем не менее, представляется, что улучшение отношений с НАТО после событий 11 сентября не повлекло за собой автоматически смену погоды в российско-норвежских отношениях в сторону укрепления взаимного сотрудничества. Во время своего рабочего визита в Берлин 20 июня 2002 года Ким Траавик, государственный секретарь при министерстве иностранных дел Норвегии, жаловался, что отношение России к конструктивному сотрудничеству с его страной отмечено, как он выразился, «напористостью»¹⁷. Хотя вину за эту напористость принято возлагать на российскую бюрократию, испытывающую некоторые проблемы с адаптацией к новому внешнеполитическому курсу¹⁸, последовавшая вскоре вслед за этим отправка эсминца «Североморск» в норвежскую «охранную зону» вокруг Шпицбергена, где тот занялся контролем за рыболовецкими судами, может быть расценена как проявление российской стороной нового и более вызывающего способа действий на Крайнем Севере.

Это новое отношение России к данному региону может отчасти быть связано с улучшением ее позиций в арктической зоне. Согласно двум статьям, недавно опубликованным в «Независимой газете», Россия прилагает усилия по утверждению своих прав на шельф Северного Ледовитого океана с

¹⁶ Более подробно о норвежском восприятии России в качестве одного из факторов, формирующих политику Норвегии, см.: Neumann 2002, 4-10.

¹⁷ "Aftenposten", 21.06.2002.

¹⁸ "Aftenposten", 22.06.2002.

помощью ООН¹⁹. Главный мотив ее действий – экономический, поскольку Россия рассчитывает найти на шельфе крупные месторождения энергоресурсов. По очевидным причинам Норвегия воспринимается ею как самый важный конкурент и соперник в этой области, и вопрос по определению границы в указанном районе приобретает тем самым еще большую остроту, хотя из Москвы начинают приходить сигналы, указывающие на то, что Россия, быть может, готова проявить здесь больше гибкости.

Из-за того, что Россия переориентируется на более «экономикоцентричную» внешнюю политику, Норвегия превращается во все более и более «геоэкономический» фактор на карте российских интересов. Тем не менее, в глазах России эта страна по-прежнему играет и свою традиционную роль «форпоста НАТО и США» на Севере²⁰. Если мы бросим взгляд на перечень угроз национальной безопасности в международной сфере, приводимый в КНБ-2000, мы ясно увидим, что Норвегия – из-за своего членства в НАТО и собственных национальных интересов не в последнюю очередь в энергетическом секторе – вполне подпадает под понятие «реальный или потенциальный источник угрозы» по меньшей мере в четырех случаях из восьми (угрозы 1, 2, 3, 4) и может играть определенную роль в изменении характера угрозы, исходящей от оружия массового уничтожения, оказывая США помощь в создании нового противоракетного щита (российские обвинения относительно радарной станции в Вардё как потенциального элемента НСПО (угроза 5), который сделает устаревшим существующий ныне режим контроля над вооружениями, основанный на Договоре по ПРО 1972 г.²¹ Хотя

¹⁹ Агламишьян В. *Погоня за уплывающим шельфом* // Независимая газета. – 2002. – 30.03; Каневская П. *Россия прирастает шельфом* // Независимая газета. – 2002. – 06.06

²⁰ Более подробно об интересах США в регионе см. в следующих публикациях: L. Heininen, G. Lassinanti (eds.), *Security in the European North. From 'Hard' to 'Soft'*, Rovaniemi and Stockholm: Arctic Centre, 1999, University of Lapland and The Olof Palme International Centre; об интересах России и США на Крайнем Севере см.: D. Trenin, P. van Ham, *Russia and the United States in Northern European Security*, Programme on the Northern Dimension of the CFSP no. 5, Helsinki, Baerlin: Finnish Institute of International Affairs and Insitut für Europäische Politik, 2000.

²¹ Более подробно о стратегической динамике в регионе см. в публикации: С.М. Perry, M. Sweeney, A.C. Winner, *Strategic Dynamics in the Nordic-Baltic Region*, London: Brassey's, 2000. Сегодняшние российские точки зрения на это стратегическое направление подробно анализируются в статье:

Норвегия, по-видимому, не играет «независимой роли» во внешней политике России и ее политике в вопросах национальной безопасности, важность Северо-Западной Европы для России не вызывает сомнений у авторов полуофициального сообщения о российских интересах в Северной Европе, подготовленного Советом по внешней и оборонной политике (СВОП) в феврале 2001 года. Этот отчет ясно показывает заинтересованность России в этом регионе; он же служит хорошим подтверждением того факта, что Россия воспринимает всю северную Европу как зону своих второстепенных интересов – хотя экономическое сотрудничество и сотрудничество в деле охраны окружающей среды в рамках данного региона и важны, сам регион важен лишь в той степени, в какой он является частью более широких структур, играющих стратегическую роль в отношениях России с внешним миром. Норвегия представляет собой интерес как член НАТО, как соперник в «газовой, нефтяной и рыбной игре» и как источник финансирования социальных программ и проектов по охране окружающей среды, которые Российское государство не в состоянии или не желает субсидировать самостоятельно.

Чтобы добиться сотрудничества со стороны России, Норвегия совместно с ее североевропейскими соседями и другими союзниками (Европейский Союз, США) пытается создать новую основу для взаимодействия в регионе. В январе 1993 года была подписана Киркенесская декларация, возвестившая о рождении новой региональной структуры – «Баренцева Евро-Арктического региона» (БЕАР). В документе призывалось к более тесному сотрудничеству в следующих областях:

- охрана окружающей среды;
- экономическое сотрудничество;
- научно-техническое сотрудничество;
- развитие региональной инфраструктуры;
- положение коренных народов;
- контакт между людьми и отношения в области культуры;
- туризм.

С первого дня своего существования БЕАР всегда оставался весьма политизированным проектом и его основная цель состояла

J.W. Kipp, *Russia's Northwest Strategic Dimension* // "Military Review", July-August 1999. С этой статьей можно ознакомиться в Интернете: <http://call.army.mil/fmsopubs/fmsopubs/issues/rusnwstrat/rusnwstrat.htm>.

в латании всевозможных «прорех» в бывшей «прифронтовой» зоне²². БЕАР должен был служить полигоном для опробования новых идей, призванных способствовать развитию сотрудничества поверх бывшего «железного занавеса». БЕАР был проектом, к участию в котором привлекались бывшие противники по «холодной войне», вносявшие тем самым свой вклад в избавление от, как тогда говорили, негативного наследия прошлого.

Несмотря на то, что Норвегия по-прежнему оставалась членом НАТО, военного блока, воспринимавшегося Россией как реликт прошлого, страна протягивала руку своему великому восточному соседу и пыталась навести мосты через пропасти, зиявшие в двусторонних и многосторонних отношениях того времени. Отличительной чертой политики Норвегии в российском вопросе после окончания «холодной войны» была попытка норвежского политического истеблишмента дополнить прежние отношения с Москвой, основанные на вхождении Норвегии в НАТО, новой программой двусторонних связей.

Политика Норвегии по отношению к России в период после окончания «холодной войны» основывалась на традиционной политике тесного сотрудничества с НАТО, дававшей Норвегии гарантии «жесткой» безопасности; и вместе с тем эта страна стремилась к установлению более сбалансированных двусторонних отношений с Россией. Из-за внутренних процессов, происходивших в России (явный отказ России от глобального соперничества с США, вызванный политическими соображениями и экономическими трудностями), а также ряда решений, принятых Норвегией в сфере внешней политики и политики в области безопасности, эти отношения за последние десять лет стали менее «геополитизированными» и более тесными; явно усилилось внимание к сотрудничеству в тех сферах, где, по мнению обеих сторон, могут быть реализованы их интересы. Если две страны и соперничают друг с другом, они соперничают не столько как участники военных

²² Более подробно об этом вопросе см. в следующих публикациях: O. Tunander, *Inventing the Barents Region: Overcoming the East-West Divide* // S.O. Stokke, O. Tunander (eds.) *The Barents Region: Co-operation in Arctic Europe*, Sage, 1994; London and S. Jervell, *The Barents Co-operation Initiative: Security in Northern Europe after the Cold War* // G. Bäcklund (ed.), *Common Security in Northern Europe after the Cold War*, Stockholm: Olof Palme International Centre, 1994. О российской точке зрения на БЕАР см.: A. Sergounin, *The Barents Regional Co-operation and the Russian Security Discourse* // G. Flikke (ed.), *The Barents Region Revisited*, Conference Proceedings, Oslo: Norwegian Institute of International Affairs, 1999.

союзов, сколько как субъекты, отстаивающие свои интересы в основном в сфере экономики.

Российско-польско-норвежская головоломка с газом

Одной из областей, где явно сталкиваются экономические интересы России и Норвегии, является вопрос о доступе на европейский газовый рынок. Этот, по всей видимости, чисто «геоэкономический» вопрос вышел на поверхность совсем недавно – в ситуации, которую можно назвать новым контекстом взаимоотношений между Россией и НАТО, – когда Норвегия и Польша приступили к переговорам о поставке последней норвежского газа и о его возможной поставке другим потребителям в Центральной Европе. Подписание польско-норвежского контракта о поставках газа в сентябре 2001 г. воспринималось польским правительством как стратегическое решение, гарантирующее стране большую безопасность не только в сфере энергетики, но и в более широком плане. Чтобы понять мотивы этого решения и то, насколько принятие Польши в НАТО изменило характер отношений между Москвой и Варшавой, необходимо ознакомиться с десятилетней польской дискуссией по вопросам внешней политики Польши и ее политики в области безопасности. Подписание польско-норвежского и польско-датского соглашений по газу, призванных через несколько лет полностью обеспечить Польшу «безопасным» газом из нероссийских источников, должно было означать возникновение качественно новой ситуации в области внешней политики страны и ее политики по вопросам безопасности²³.

До завершения глубочайших политических перемен в Европе и до вступления Польши в НАТО подписание подобного стратегического соглашения было бы абсолютно немысли-

²³ Получение доступа к надежным и диверсифицированным источникам энергоснабжения – одна из целей польской политики в области безопасности. В польской доктрине безопасности от 4 января 2000 г. важность этого вопроса подчеркивалась в главе, посвященной проблемам экономической безопасности. Там говорилось следующее: «обеспечение энергетической безопасности страны требует диверсификации и защиты источников и каналов доставки самых важных энергоносителей, таких, как нефть и природный газ. Необходимо обеспечить гарантированное долгосрочное снабжение нашей страны энергетическими ресурсами и постараться найти поставщиков как в странах, являющихся нашими союзниками, так и в других странах».

мым и для Норвегии, и для Польши. Польско-норвежское соглашение, которое открывало новые рынки для норвежского газа и превращало Норвегию в конкурента России в регионе, рассматривавшемся русскими как «естественная зона влияния» их природного газа, явно означала очень многое для правительства Бузека. Что касается Польши, то эта сделка ликвидировала ее зависимость от потенциально нестабильного и ненадежного источника снабжения газом, бывшего одновременно и одним из двух самых важных источников геополитической угрозы существованию страны в качестве независимого субъекта политической жизни на Европейском континенте, причем, может быть, источник этот был важнейшим.

Данная сделка также продемонстрировала, что во взаимозависимости между экономикой и безопасностью появилось новое измерение, которое могло возникнуть только благодаря решительной перекройке институциональной карты континента, последовавшей после крушения «ялтинской системы» в Европе. Новообразовавшаяся связь между традиционной, жесткой безопасностью и энергетической безопасностью была озвучена тогдашним министром иностранных дел Польши Б. Геремеком в заявлении по вопросам внешней политики Польши, которое он сделал в мае 2000 года. Им были сказаны следующие слова: «Безопасность снабжения Польши энергией также должна занять подобающее ей место во внешней политике. Международные соглашения и контракты должны обеспечить Польше диверсификацию источников снабжения ее топливом. Вот почему мы собираемся присоединиться к работе по созданию новой системы нефтеснабжения с учетом нефтяных ресурсов Каспия. В этой связи нами ведутся переговоры как со странами Средней Азии, которые располагают данными ресурсами, так и с Украиной в качестве партнера по транзиту. Переговоры, которые мы ведем с Российской Федерацией, Норвегией и странами Северной Африки, открывают перед нами возможности доступа к диверсифицированным и сбалансированным источникам природного газа. Калькуляция экономических затрат должна вестись наряду с учетом издержек в плане нашей национальной безопасности»²⁴.

Ощущение важности энергетической безопасности страны, очевидно, изменилось после прихода к власти в Польше нового правительства в сентябре 2001 года. Новый премьер-министр

²⁴ <http://www.msz.gov.pl/english/polzagr/expose2000ang.html>

Лешек Миллер, еще до выборов высказывавший серьезные сомнения в связи с подписанием его предшественником польско-норвежского соглашения о поставках газа, как представляется, подходит к этому вопросу с чисто экономической точки зрения. Хотя Миллер и проявляет известный интерес к диверсификации источников энергопоставок в Польшу, одновременно им посылаются достаточно сильные и обескураживающие сигналы норвежской стороне относительно жизнеспособности совместного проекта. В ходе своего недавнего визита в Осло в начале июня 2002 года он недвусмысленно заявил, что реализовать эту сделку будет трудно, поскольку Польша, по-видимому, переоценила свои потребности и польский рынок окажется не в состоянии поглотить такое количество газа. Решение проблемы премьер-министр постарался переложить на плечи норвежцев, указав, что компании «Статойл», чтобы обеспечить жизнеспособность проекта²⁵, придется самой подыскивать клиентов, готовых закупать газ в больших объемах.

В этом отношении стратегию Миллера можно охарактеризовать как стратегию известного отхода от курса на обеспечение энергетической безопасности страны. Существует целый ряд интерпретаций его политики дистанцирования от того, что предыдущее правительство рассматривало как одно из своих самых важных достижений; официально же позиция Миллера сводится к тому, что норвежский газ Польше не будет нужен, поскольку потребности страны должны удовлетворяться с помощью поставок российского газа²⁶. Но, так как Польша в 2004 году станет членом Европейского Союза, вопрос об энергетической безопасности и диверсификации источников энергоснабжения, сформулированный в «Зеленом меморандуме о развитии европейской стратегии по обеспечению безопасности энергоснабжения»²⁷, вероятно, снова будет поднят в той или иной форме, и любому правительству придется им заниматься. В настоящее же время позиция Польши состоит в том, что стране необходимо пересмотреть условия соглашения по газу, заключенного с Россией в 1993 года; если не найти решения «проблемы с российским газом»,

²⁵ „Rzeczpospolita” 06.06.2002.

²⁶ Миллер говорил об этом курсе, например, в своем недавнем интервью, опубликованном в „Gazeta Wyborcza” 22/23.06.2002.

²⁷ Текст «Зеленого меморандума» а также комментарии к нему можно найти на сайте: http://europa.eu.int/comm/energy_transport/en/lpi_lv_en1.html

говорить о реализации польско-норвежского соглашения было бы просто нереалистично.

Вопрос о пересмотре соглашения по газу открывал повестку дня всех официальных и неофициальных польско-российских совещаний в первой половине 2002 года. После смены правительства в Польше произошла явная интенсификация польско-российских контактов на высшем уровне. В период между сентябрем 2001 года и июнем 2002 года президент Квасьневски трижды встречался с президентом Путиным, польский и российский премьер-министры тоже встречались три раза, а контакты между министрами иностранных дел были еще интенсивнее – у них состоялось четыре встречи. Принимая во внимание международную ситуацию и в первую очередь процесс расширения Европейского Союза, а также потребность в дальнейшем развитии экономического сотрудничества между двумя странами (проблема огромного российского профицита в торговле с Польшей является в этой связи одной из важнейших), не стоит удивляться тому, что в центре всех проходивших переговоров находились всего два вопроса. Как справедливо отметил премьер-министр Миллер в своем интервью, опубликованном в «Газете wyborчей», интенсификация экономического сотрудничества явно тормозится нерешенностью вопроса о будущих поставках российского газа в Польшу²⁸.

Необходимость найти удовлетворительное решение данной проблемы была в центре обсуждения на встрече польского и российского премьер-министров, которая произошла 11 июня 2002 г. в кулуарах проходившего в Санкт-Петербурге ежегодного заседания Совета государств Балтийского моря. Два премьер-министра пришли к общему мнению, что следует приложить усилия к тому, чтобы до конца текущего года утвердить изменения в тексте соглашения по газу от 1993 г. Второй вопрос, также обсуждавшийся ими на этой встрече, был тем же, что позднее стоял в центре повестки дня визита в Варшаву российского министра иностранных дел Игоря Иванова 21 июня 2002 года – вопрос о Калининграде в свете предстоящего расширения Европейского Союза. Из-за того, что в июле 2003 года и Польша, и Литва собираются ввести на своих границах «шенгенские правила», Россия – и на двусторонних переговорах с каждой из этих стран, и на

²⁸ „Gazeta Wyborcza” 22/23.06.2002.

переговорах с Европейским Союзом, проходивших в Москве в конце мая 2002 года – настаивала, что данную проблему следует решить с помощью создания так называемых «экстерриториальных коридоров» через территорию Литвы и Польши, которые дали бы российским гражданам возможность свободного проезда в Калининград и выезда оттуда.

Использование в этой связи термина «коридор» – фактически уже второй раз в новейшей истории российско-польских отношений, если вспомнить, что данный термин употреблялся в 1997 г. в ходе официального визита в Польшу российского министра иностранных дел Евгения Примакова, когда последний пытался убедить Польшу дать согласие на создание транспортного коридора из Белоруссии в Калининград – было достаточно неразумным решением, поскольку многих поляков от него бросает в дрожь, и они невольно задумываются об истинных намерениях России. Чтобы понять, насколько неуместным было использование данного термина, следует лишь присмотреться к тому, как после окончания «холодной войны» Россия воспринимается в Польше.

Польша и Россия: бегство из российской сферы влияния?

Развитие польско-российских отношений в эпоху после окончания «холодной войны» уже рассматривалось в бесчисленных статьях и книгах²⁹; цель же нашего исследования гораздо более скромная – мы лишь хотим показать, почему членство Польши в НАТО способствовало самому решительному изменению характера этих отношений.

Одной из важнейших задач, стоявших перед польской элитой после 1989 года, был пересмотр всей внешней политики

²⁹ M. Menkiszak, *Trudne sąsiedztwo. Problematyka bezpieczeństwa w stosunkach Polski z ZSRR i Rosją w latach 1989-2000* // R. Kuźniar (red.) *Polska polityka bezpieczeństwa 1989-2001*, Warszawa: Scholar, 2001. Публикация содержит глубокий анализ развития этих отношений за последние десять лет. Другим важным источником является в этом отношении следующая работа: P. Grudziński, *Report. Poland-Russia. Discord and Co-operation*, Warszawa: Instytut Spraw Publicznych, 1997. Российские точки зрения на отношения с Центральной Европой, включая Польшу, сформулированы в публикации: Кобринская И. *Россия и Центральная Европа после холодной войны*. – Москва: Carnegie Endowment for International Peace, 1997; Давыдов Ю. *Возникновение региона ЦВЕ: последствия для России и для Запада* // „США и Канада”. –1997. – № 4. – С. 6-21; G. Mangott, *Russian Policies on Central and Eastern Europe* // “European Security”, vol. 8, no. 3, 1999, p. 44-81.

Польши, необходимость которого не вызывала сомнений³⁰. Когда советская империя рухнула, Польша имела возможность выбрать одну из следующих стратегий обеспечения национальной безопасности³¹:

Продолжение сотрудничества в области безопасности и экономического сотрудничества с Россией, ведущей региональной державой. Сотрудничество с новой Россией, вероятно, могло быть основано на принципах «самофинляндизации». Суть идеи состояла в том, что Польша, принимая в расчет геополитические соображения России в Центральной Европе, была бы вознаграждена неким статусом «привилегированной» страны в ее экономических отношениях с Россией. Из-за польского исторического опыта и внутрироссийской ситуации (экономическая нестабильность и политическое насилие), а также политики, направленной на возрождение польского суверенитета, в Польше 1990-х гг. возможность такого выбора была почти нулевой. Тем не менее, кое-кто все же выступал в его пользу – прежде всего, часть бывших коммунистов и некоторые представители аграрного лобби, – люди, как правило, имевшие преувеличенное представление о потенциале во многом виртуального российского рынка и надеявшиеся на то, что более тесное экономическое сотрудничество с Россией окажется хорошим лекарством от недугов переходного периода, которыми страдала Польша.

Польской официальной реакцией на российский вызов в начале 1990-х гг. была выработка своего рода «двухпутной» политики по отношению к бывшему советскому пространству; Польша стала стремиться к более тесному сотрудничеству не столько с Россией, сколько с другими постсоветскими государствами, дистанцируя себя тем самым от своего бывшего гегемона. Из таких государств назовем в первую очередь Украину,

³⁰ Более подробно о реформулировании внешней политики Польши см. в сборнике: I. Prizel, A.A. Michta (eds), *Polish Foreign Policy Reconsidered. Challenges of Independence*, New York: St.Martin's Press, 1995, а также в кн.: I. Prizel, A.A. Michta; K. Skubiszewski, *Polityka zagraniczna i odzyskanie niepodległości. Przemówienia, oświadczenia, wywiady 1989-1993*, Warszawa: PAI, 1997.

³¹ Более подробно о дискуссии, идущей в Польше по вопросу о том, как обеспечить безопасность страны в новых условиях, см. в сборнике: R. Kuźniar (ed.), *Polska polityka bezpieczeństwa 1989-2001*, Warszawa: Scholar, 2001, s. 71–80.

в которой Польша очень быстро стала видеть стратегического партнера, а также Литву. Эта попытка проводить не только внешнюю политику, ориентированную на Россию, но и следовать неким альтернативным ей курсом воспринималась российской стороной как возрождение традиционного польско-российского соперничества в регионе, за влияние над которым две страны боролись между собою на протяжении трех последних столетий.

Нейтралитет. Из-за географического расположения Польши между Россией и Германией – фактора, делавшего польскую территорию весьма уязвимой для вторжения, а также из-за отсутствия экономических средств для построения нейтралитета с достаточным сдерживающим потенциалом от возможности такого выбора отказались еще на начальной стадии дебатов о будущей внешней политике Польши и ее политике в области безопасности.

Панъевропейская система безопасности. Этот вариант был предложен Россией, желавшей повысить значение ОБСЕ при решении вопросов коллективной безопасности и ограничить тем самым роль НАТО. Но усиленная таким образом система коллективной безопасности столкнулась бы с возможными трудностями в идентификации агрессора, и она не смогла бы дать Польше оборонные гарантии, которые та хотела получить, имея соседей, превосходивших ее в силе.

Региональный альянс. Польша могла бы объединить силы с другими государствами региона и создать региональную структуру безопасности либо в качестве постоянного решения, либо на время ожидания приема в НАТО и Европейский Союз. Реалистической целью такого альянса было бы сдерживание потенциальной угрозы со стороны России или уравнивание германского влияния в регионе. Польский президент Лех Валенса в 1992 году выдвинул идею создания «НАТО-бис» и «Европейского Союза-бис» в качестве реакции региона на ситуацию, сложившуюся, когда в 1993-1994 гг. президент Украины Леонид Кравчук предлагал основать Черноморско-Балтийский союз, имевший бы и военную составляющую; Польша отказалась в нем участвовать, и идею создания региональной структуры предали забве-

нию. Некоторые из «мягких компонентов» сотрудничества в области безопасности можно найти в концепции «Вышеградской группы», структуры, чья основная цель заключалась вобретении некоего механизма, который помог бы четырем странам-участницам без помех присоединиться к институтам Запада.

Вхождение в уже существующие западные институты в сфере безопасности и экономики, прежде всего, в НАТО и Европейский Союз. Совершенно очевидно, что такой вариант был выбран польским руководством, так как оно считало его максимально соответствующим стратегическим интересам страны. О возможной готовности Польши официально войти в состав НАТО было впервые заявлено 29 января 1992 года, т. е. спустя лишь месяц после роспуска Советского Союза; идея эта прозвучала из уст тогдашнего министра обороны Польши на его встрече с руководством вооруженных сил страны. Хотя данное предложение было встречено в НАТО без особого энтузиазма, идея о вступлении в НАТО стала официальной политикой Польши после 2 ноября 1992 года, когда президент Валенса утвердил первую польскую «оборонительную доктрину» – «Принципы политики в области политики безопасности Польши». В документе открыто заявлялось, что присоединение к НАТО и Европейскому Союзу является стратегической целью страны в 1990-е гг. Такой политический выбор отражал и настроения польского общества в целом: согласно ряду опросов общественного мнения, проведенных в 1994-1999 гг., более 70% респондентов поддержали эту политику, заявив, что проголосовали бы за вступление в НАТО в случае проведения общенационального референдума по данному вопросу. Нейтралитет предпочли 10-20% опрошенных, а альянс с другими странами – в общей сложности всего лишь около 5% за все время проведения опросов³².

Проходившие в Польше дебаты по проблеме безопасности показывают, что стратегические задачи нового польского государства практически совпадают с аналогичными задача-

³² K. Zagórski, M. Strzeszewski (red.), *Nowa rzeczywistość. Oceny i opinie 1989-2000*, Warszawa: Wydawnictwo Dialog, 2000, s. 204–206.

ми, сформулированными политическими элитами других стран³³. Поскольку конечной политической целью было признано обеспечение безопасного существования суверенного польского государства, основная задача, стоявшая перед польским руководством, заключалась в разработке общей национальной стратегии, призванной не допустить установления над Польшей как совместной власти двух исторических местных гегемонов, т. е. России и Германии, так и власти одного из них³⁴.

Пересмотр отношений с Германией представлял собой относительно простую задачу, так как Германия была членом важнейших демократических клубов Европы и отношения с Германией являлись функцией отношений Польши с НАТО и Европейским Союзом. В июне 1991 года, за шесть месяцев до роспуска Советского Союза, Польша и Германия, хотя и не без некоторых первоначальных трудностей, подписали Договор о добрососедстве и сотрудничестве. Его ратификация парламентами двух стран фактически означала конец исторически мотивированным польским страхам относительно Германии³⁵.

На отношения с Россией постоянно оказывает очень сильное влияние имидж Российской Федерации как прямого наследника двух империй – Российской и Советской³⁶. Начи-

³³ Основные цели польской политики в области безопасности детально описаны в следующих официальных документах по вопросам безопасности: «Принципы политики в области безопасности Республики Польша» (утверждены 2 ноября 1992 г.) и «Стратегия в области безопасности Республики Польша» (утверждена 4 мая 2000 г.).

³⁴ Относительно польских страхов, связанных с возможностью сближения между Россией и Германией, «худшего сценария» для Польши, см.: J. Holzer, *Kompleks Rapallo. Mit czy realna groźba?* Warszawa: Centrum Stosunków Międzynarodowych, 1999.

³⁵ Два опроса общественного мнения – в июне 1990 г. и в октябре 1993 г. – выявили динамику польских «страхов» в вопросе об отношениях с соседними государствами. В октябре 1990 г. 32 % респондентов верили, что Германия представляет собой главную угрозу польской безопасности, и только 5 % назвали в качестве таковой Россию. В октябре 1993 г. результаты были совершенно другими: 31 % боялся России и лишь 5 % – Германии. Когда же респондентам задавался вопрос, кто может представлять собой угрозу для Польши в будущем, они отвечали в этом же ключе: в июне 1990 г. 30 % указали на Германию и 5 % на Россию, тогда как в октябре 1993 г. только 11 % назвали Германию и 26 % Россию. В мае 1995 г. почти 70 % из числа опрошенных считали, что Россия попытается восстановить свое влияние в Центральной Европе.

³⁶ Данная польская дилемма была частью более широкой центральноевропейской дилеммы, следующим образом сформулированной Р. Э. Хантером (R.E. Hunter, *Solving Russia: Final Piece in NATO's Puzzle* //

ная с 1989 года, Советский Союз, пока он еще существовал, а потом и Россия рассуждали об изменении их отношений с Центральной Европой в терминах, явно не совместимых с чаяниями стран этого региона. Представляется, что российская стратегия создания новых отношений с бывшими вассалами в ближнем и «среднем» зарубежье первоначально была основана на принципе «повышения статуса». Под «повышением статуса» мы понимаем здесь процесс, в ходе которого соответствующим территориям присваивается более высокий статус в их отношениях с постимперским центром власти. В советскую эру отношения между Москвой и различными «имперскими кольцами» были дифференцированы; существовало, по крайней мере, четыре типа таких отношений:

Отношения советского типа в пределах Внутренней Империи официально строились по федеральной модели, но в действительности страна была унитарным государством, где властью располагали не государственные структуры, а аппарат КПСС. Члены федерации были вынуждены следовать политике, предписанной центром, и им не разрешалось иметь какие-либо собственные «национальные интересы» в сфере экономической и внешней политики, а также политики в области безопасности.

Отношения типа Варшавского пакта, существовавшие между Москвой и ее Внешней Империей можно охарактеризовать как основанные на вассальной зависимости. Страны Варшавского пакта располагали номинальным суверенитетом, но фактически полностью контролировались Москвой, по крайней мере, на стратегическом уровне. Располагая всеми атрибутами суверенитета, они, тем не менее, были вынуждены послушно следовать в фарватере Советского Союза. Эти страны были лишены права выбора своей политической и экономической

“Washington Quarterly”, vol. 23, no. 1, 1999, pp. 115-134, p. 118): «Хотя с течением времени и по мере того, как десятилетие приближалось к концу, становилось ясно, что ни одна страна не была в состоянии представлять собой серьезную стратегическую угрозу какому-либо центральноевропейскому государству и менее всего этого желала, Россия оставалась грозным фактором уже в силу своего присутствия, оставалась геополитической реальностью и естественным “государством-преемником Советского Союза” во всем, что касалось размеров ее территории, местоположения, а также международно-юридического статуса».

системы, а также свободы сотрудничества с внешним миром («доктрина Брежнева»).

«Финляндизация» означала, что стране гарантировалась определенная свобода выбора в вопросе о своей экономической и политической системы, но она была ограничена в свободе выбора в отношении курса своей внешней политики и политики в области безопасности.

Государства-клиенты Империи представляли собой внешнее имперское кольцо СССР, зону соперничества и конфронтации с Западом.

Эти четыре типа отношений между Москвой и другими субъектами имперского сотрудничества, вероятно, можно рассматривать как отправную точку нового российского мышления в области международных дел на постсоветском пространстве в постсоветскую эпоху. Российское руководство осознавало, что отношения между Москвой и постимперским территориальным массивом предстоит строить заново, и использование в этом процессе традиционного «инструментария» советской эры представлялось вполне естественным.

Одним из возможных вариантов являлось «повышение статуса», поскольку с его помощью можно было модифицировать эти отношения, не причинив чрезмерного вреда национальным интересам России. Отношения внутри Российской Федерации должны были строиться по старой советской модели, федеральной по форме, но унитарной по содержанию; бывшее советское пространство ожидало переустройства в новый вариант Варшавского пакта, где постсоветские государства находились бы в стратегической вассальной зависимости от Москвы; от прежних советских протекторатов в Восточной и Центральной Европе рассчитывали добиться «самофинляндизации»; Финляндия присоединялась к Западу, а от бывших государств-клиентов в «третьем мире» пришлось бы отказаться, потому что они стали бременем, тормозившим улучшение отношений с Западом, а у России к тому же не оставалось возможностей финансировать их из-за ухудшающегося состояния ее экономики.

Эти идеи, позднее известные как «доктрина Фалина-Квещинского», или «доктрина ограниченного суверенитета бывших советских вассалов в Центральной Европе», стали основой советских, а потом и российских планов относительно данного региона. После неудавшегося Августовского путча советское руководство смягчило свою позицию, и 10 декабря

1991 г. был заключен польско-советский межгосударственный договор, из которого исчезли все параграфы, ограничивавшие суверенитет Польши.

Бытовало много надежд на то, что роспуск Советского Союза откроет новую главу в летописи отношений между Россией и Польшей, а также между Россией и Западом. 1992 год часто называют особым годом в истории внешней политики России и ее политики в области безопасности. Страна не только восстановила свою независимость, но и избрала для себя явно прозападный курс, позднее названный «атлантизмом». На этой «идеалистической» стадии российских дебатов о приоритетах во внешней политике страны и ее политике в области безопасности многие ответственные политики полагали, что лучшим выбором для России было бы просто войти в состав западных институтов, включая НАТО³⁷.

Таков был международный климат, в котором Польша и Россия в мае 1992 года заключили Договор о добрососедстве и сотрудничестве, но затем в отношениях между двумя странами начался более трудный этап, последовавший за поворотом к реализму как российской внешней политики, так и российской политики в области безопасности. Поворот этот символизировался, прежде всего, опубликованием в начале 1993 года. Концепции внешней политики Российской Федерации. О месте Центральной и Восточной Европы в российской внешней политике на страницах документа говорится следующее: «Восточная Европа не только сохраняет свое значение для России как исторически сложившаяся сфера интересов. [...] Стратегическая задача на нынешнем этапе – предотвратить превращение Восточной Европы в своего рода буферный пояс, изолирующий нас от Запада. С другой стороны, нельзя допустить становящегося уже вполне реальным вытеснения России западными державами из восточноевропейского региона». В последней фразе явно подразумевалось возможное расширение НАТО, на том этапе все еще казавшееся довольно отдаленной вероятностью.

Главной задачей российской внешней политики в 1993-1997 гг. было не допустить уже тогда запланированного расширения НАТО. Так как Польша с самого начала дебатов по этой проблеме стояла в ряду стран-кандидатов с наилуч-

³⁷ A. Sergounin, *Russian Domestic Debate on NATO Enlargement: From Phobia to Damage Limitation* // "European Security", vol. 6, no. 4, 1997.

шими шансами на принятие в члены альянса, ее внешняя политика и политика в области безопасности явно шли вразрез с интересами, декларируемыми ее бывшим гегемоном.

Дискуссия, развернувшаяся в России по поводу расширения НАТО, прошла через несколько фаз; для того, чтобы остановить процесс расширения, выдвигались различные аргументы. На этом раннем этапе российской стороной и противниками расширения на Западе приводилось множество причин, по которым они возражали против роста НАТО³⁸.

После поворота в сторону «реализма», произошедшего в 1993 году, возникли надежды, что Запад и НАТО удастся остановить жесткой риторикой со стороны России и что хорошие отношения с Россией окажутся для Запада более важными, чем заполнение так называемого вакуума безопасности в Центральной Европе. Американская политика приоритетности России, главным проводником которой был «ранний» Струоб Тэлботт, и попытка Леса Аспина сбить волну расширения выдвиганием программы «Партнерство во имя мира» воспринимались как явный признак эффективности такого подхода. На этом этапе часто использовался аргумент, согласно которому расширение НАТО самым отрицательным образом скажется на внутренних процессах, происходивших в России. Утверждалось, что расширение НАТО, если оно состоится, повысит популярность российских экстремистов (аргумент № 1 – «угроза российской демократии»). Этот аргумент был особенно действен после выборов 1993 года, на которых неожиданную победу одержала ЛДПР Владимира Жириновского. Также звучали заявления о том, что расширение НАТО могло бы повлечь за собой изоляцию и маргинализацию России, а также новый раскол Европы (аргумент № 2 – «цивилизационный»), что на переговорах о воссоединении Германии западные лидеры обещали Горбачеву не расширять НАТО (аргумент № 3 – «джентльменское соглашение») и что расширение НАТО негативно отразится на военно-стратегической безопасности России (аргумент № 4 – «геополитический»).

³⁸ Более пространственный анализ российских взглядов на расширение НАТО приводится в следующих публикациях: J.F. Black, *Russia Faces NATO Expansion: Bearing Gifts or Bearing Arms?*, Lanham, Md: Rowman & Littlefield Publishers, 2000; относительно доводов оппонентов см.: M. Mandelbaum, et alia, *The Case against NATO Expansion // "Current History"*, vol. 97, no. 617, 1998, p. 132-136.

В своем сопротивлении расширению НАТО Россия прибегла к политике «глубоко эшелонированной обороны». Первая линия «политических укреплений» возводилась в основном из смеси «демократических» и «цивилизационных» аргументов плюс аргумент о «джентльменском соглашении», и главная ее задача состояла в том, чтобы не допустить расширения НАТО целиком и полностью. Когда в 1995 году Россия поняла, что решение о расширении НАТО, скорее всего, имело необратимый характер, российские политики отошли ко «второй линии обороны» и попытались найти новую формулу, которая могла бы ограничить негативные последствия этого плана для того, что тогда определялось как российские стратегические интересы в регионе. Суть выдвинутой ими формулы сводилась к «неприемлемости расширения НАТО до границ России». Главной мишенью этой политики, без сомнения, было потенциальное членство Польши в НАТО. Однако, когда выяснилось, что Запад не склонен прислушиваться к российским геополитическим аргументам и что НАТО будет расширяться, невзирая на протесты со стороны России, русские отступили к «третьей линии обороны». Теперь они предлагали, чтобы новым участникам альянса давалось бы членство «второго класса» (без размещения на их территории ядерного оружия, а также иностранных войск и баз), а Россия получала бы право голоса в делах НАТО. Было ясно, что готовность России согласиться с расширением блока не беспредельна. На этом этапе невыносимым для русских было бы позволить хотя бы одной из стран Балтии войти в состав альянса³⁹.

Что касается «польского фронта» баталий по вопросу о расширении НАТО, то какое-то время казалось, что Россия встает на новый, постымперский, курс в своих отношениях с Польшей – основания тому дал президент Ельцин, заявивший в ходе предпринятого им в августе 1993 года визита в Варшаву о готовности России не препятствовать вступлению Польши в НАТО. Но вскоре выяснилось, что то была скорее оговорка, чем серьезное политическое заявление. Борис Ельцин поспешил взять обратно свои слова, направив четверем западным руководителям письмо, в котором предупредил Запад, что

³⁹ Более подробно об этом см. в следующей работе: Fedorov, Yuriy (2000), *The Baltic Region in the Framework of Russia-NATO Relations* // Y. Fedorov, B. Nygren (eds.) *Russia and NATO*, Försvarshögskolans acta, B 14 Stockholm: Strategiska institutionen, SI, 2000.

расширение НАТО будет воспринято в России как враждебный акт. Это впечатление усилилось из-за опубликования в ноябре 1993 года так называемого меморандума Примакова об отрицательных последствиях, которые возымеет для России расширение НАТО. Тем временем, в соответствии с условиями соглашения 1991 года о выводе российских войск из Польши, последние российские строевые части покинули эту страну 17 сентября 1993 года, тем самым приурочив окончание российского военного присутствия на польской земле к весьма символической для поляков дате.

Ужесточение позиции России в вопросе о потенциальном членстве Польши в НАТО привело к резкому охлаждению отношений между двумя странами и к многочисленным дипломатическим инцидентам, но взаимные контакты продолжались на различных уровнях, потому что у обеих стран был целый ряд интересов, прежде всего экономических, которые они могли реализовать только в рамках двустороннего сотрудничества. Более всего Польша была заинтересована в том, чтобы смягчить отношение России к расширению НАТО и развить экономическую кооперацию – страна нуждалась в импорте российского газа и нефти и в потенциальном выходе на российские рынки; для России же самым важным было добиться согласия Польши на строительство газопровода, проходящего по ее территории, который позволил бы перекачивать газ богатейших месторождений на Ямале к его потенциальным потребителям в Западной Европе.

В ноябре 1993 года польские власти объявили российского военного атташе в Варшаве персоной нон грата и выслали его из страны. Россия ответила на это высылкой польского военного атташе в Москве. В апреле 1994 года польский премьер-министр В. Павляк нанес официальный визит в Москву, встретился со своим российским коллегой В. Черномырдиным и обсудил с ним ряд вопросов экономического сотрудничества. В ноябре 1994 года, в ответ на жестокое обращение, которому польская полиция подвергла группу российских туристов на железнодорожном вокзале польской столицы, был отложен визит российского премьер-министра в Варшаву. В феврале 1995 года премьер-министр Черномырдин все же поехал туда – чтобы подписать соглашение о проведении через территорию Польши газопровода «Ямал – Западная Европа». В марте 1996 года официальный визит в Варшаву нанес российский министр иностранных дел Б. Примаков, обсудил также

ряд вопросов двустороннего характера, включая российский транзит в Калининград, и озадачил польскую общественность, используя в данной связи термин «транспортный коридор», чем продемонстрировал либо дурные намерения, либо полное пренебрежение историческим опытом Польши. В апреле 1996 года польский министр обороны С. Добжаньски прибыл с визитом в Москву, встретился со своим российским коллегой П. Грачевым и подписал с ним весьма противоречивое соглашение о двустороннем военном сотрудничестве⁴⁰. В апреле 1996 года ехать в Москву пришлось новоизбранному президенту Квасьневскому, дабы попытаться убедить Россию, что участие Польши в НАТО не нанесет ущерб российским интересам. Убедить в этом российскую сторону ему не удалось, но его визит еще раз продемонстрировал наличие в Польше широкого согласия по вопросу о вступлении в НАТО как лучшего способа решения дилеммы в сфере национальной безопасности, перед которой оказалась страна. Питаемые Россией надежды, что польские левые окажутся более сговорчивыми и пойдут на сделку с Россией, променяв членство в НАТО на кое-какие экономические выгоды, оказались мечтой, которой не было суждено сбыться.

Одной из последних попыток уговорить Польшу пойти на пересмотр своей политики в вопросе о расширении НАТО был визит Ивана Рыбкина, тогдашнего секретаря российского Совета безопасности, посетившего Варшаву 12-13 апреля 1997 года, т. е. всего за несколько недель до подписания в Париже «Протокола о расширении» и за несколько месяцев до того, как на Саммите НАТО в Мадриде Польшу и еще двух бывших советских вассалов официально пригласят стать членами альянса. Рыбкин встретился с польским президентом А. Квасьневским и другими политическими руководителями, чтобы обсудить с ними темы, представлявшие взаимный интерес, а также проблемы европейской безопасности: в канун Мадридского саммита Рыбкин воспользовался этой возможностью для изложения официальной российской точки зрения на расширение НАТО, но также обсудил и ряд других вопросов, важных для отношений между двумя странами, например, более тесное российско-белорусское сотрудничество и интеграция, коим Польша была весьма озабочена, или проблемы, связанные с контрактом по газу, который должен

⁴⁰ Более подробно об этом вопросе см.: „Rzeczpospolita” 26.01.1999.

был в ближайшие несколько лет обеспечить Польшу получение 250 млрд. кубометров природного газа, а также сделать ее очень важной страной его транзита.

И на западном, и на польском фронте попытки России остановить процесс расширения НАТО окончились провалом. В июле 1997 года на Мадридской встрече в верхах Польшу пригласили войти в состав НАТО, и в марте 1999 года страна наконец стала членом альянса, а российско-польские отношения вступили в совершенно новую фазу.

Концепция национальной безопасности Польши, утвержденная в 1992 году, содержала важное упоминание о том, какое влияние на безопасность Польши оказывали перемены, происходившие в Европе: «исчезновение Советской империи и возникновение России и других независимых государств, в первую очередь Украины, создает качественно новую геостратегическую ситуацию». Когда Польша обрела членство в НАТО, ситуация изменилась еще радикальнее, Польша ушла из «серой зоны» европейской безопасности и получила постоянное место за столом, где принимаются все основные решения, связанные с ней. Таким образом, из объекта игры интересов, которой предавались ее более сильные соседи, Польша становится фигурантом, от которого отчасти зависит будущее Европы.

С точки зрения геополитики реализма, утвердившейся в Москве, это означает, что Россия потеряла – может быть, бесповоротно – шанс на восстановление своего контроля над регионом, в течение двух последних столетий бывшим зоной ее геополитического соперничества, а временами и геополитического сотрудничества (что было еще хуже для стран региона, как в случае разделов Польши и Советско-германского пакта) с другими европейскими державами⁴¹.

Когда Россия столкнулась с перспективой расширения НАТО, российская элита заняла в этом вопросе позицию «реализма». Расширение НАТО виделось ей не как увеличение или расширение зоны политической стабильности и демократии, а как распространение американской сферы влияния на Восточную Европу. В российской интерпретации

⁴¹ Более подробно о российском геополитическом соперничестве в Европе см. в соответствующих главах кн.: J.P. Ledonne, *The Russian Empire and the World, 1700-1917: The Geopolitics of Expansion and Containment*, Oxford: Oxford University Press, 1996.

факт членства в альянсе Польши, Чешской Республики и Венгрии означал, что эти страны просто поменяли «хозяев». Из получателей приказов из Москвы, как то было во времена советского господства, в глазах российской элиты они превратились не в членов демократического альянса, а в американских марионеток и изменников славянскому делу.

Как Россия, так и Польша были не ограничены в выборе подхода к проблеме расширения НАТО. Выбор, который делали политики, подразумевал использование специфического вокабуляра и специфического политического инструментария. Хотя выбирать можно было любое из во многом антагонистических воззрений на природу международных отношений – либеральное, институциональное, силовое, реально-политическое, геоэкономическое, не вызывало сомнений, что для большинства центральноевропейских фигурантов, какие бы «политические маски» они на себя ни примеривали, в основе проблемы лежала все-таки реальная политика, *Realpolitik*. Это объяснялось их историческим опытом, в значительной степени формировавшим их идентитет и восприятие действительности.

Польские министры иностранных дел К. Скубишевски, А. Олеховски и Д. Росатти, говоря о главных целях внешней политики Польши, следующим образом связывали с расширением НАТО ту дилемму в вопросах безопасности, перед которой оказалась их страна: «Основа нашего *raison d'état* – это внешняя безопасность. *Raison d'état* можно свести к вопросу о безопасности» (Скубишевски, 21 января 1993 г.); «Самая важная задача нашей политики – обеспечить нашей стране долгосрочную безопасность» (Олеховски, 12 мая 1994 г.); «Наша борьба за членство в НАТО продиктована польским *raison d'état*» (Росатти, 8 мая 1997 г.).

Из-за своего местоположения и размеров территории Польша уже с начала XVIII в. воспринималась как самый важный «геополитический капитал» в Центральной Европе. Благодаря своей геополитической важности и общей границе с Россией в районе Калининграда, Польша явно стала настоящим камнем преткновения в дебатах, которые шли в России по проблеме расширения НАТО. Географическая близость Польши и ее тяга к Западу, особенно к НАТО, оказали большое влияние и на отношение российского руководства к Калининграду. В то же время сам факт существования общей границы с Россией в районе Калининграда и осязаемое

российское военное присутствие в Калининградской области в начале 1990-х гг. служат хорошим объяснением, почему это «соседство» стало рассматриваться с точки зрения безопасности и в политической дискуссии, шедшей в Польше. Калининград был напоминанием не только о советском господстве, но, благодаря своему восточнопрусскому прошлому, и о проблемах в отношениях с Германией.

Официальная линия внешней политики Польши после 1989 г. может быть охарактеризована как «политика ценностей». Ее цель заключалась в построении демократической системы, основанной на главенстве закона и опирающейся на жизнеспособную экономику. Полная трансформация польского государства, таким образом, выдавалась за цивилизационный проект, своего рода «ревестернизацию» страны. Но у политики сближения с Западом и западными институтами, такими, как Европейский Союз и НАТО, был и очень сильный «скрытый» реалистический компонент.

Геополитическое местоположение Польши в сердце Европы⁴², польский исторический опыт подчиненности более сильным региональным державам и явное отсутствие средств для «инвестирования» в национальную безопасность привели в тому, что стратегической целью польской внешней политики было объявлено вступление страны в Европейский Союз и НАТО. Главные задачи этой политики можно суммарно определить следующим образом: интернационализация экономических отношений и отношений в области безопасности, сложившихся между Польшей и историческими региональными гегемонами (Россией и Германией), присоединение к самому эффективному и демократическому региональному альянсу, что сопровождалось бы получением американских гарантий в сфере безопасности и участием в европейской экономической кооперации. Реализация данных задач могла, как ожидалось, дать толчок развитию польской экономики и сузить цивилизационный разрыв между Западом и Востоком.

Окончание «холодной войны», крушение Советской империи, «европеизация» Германии и до известной степени «американизация» Европы открыли для Польши целый ряд

⁴² Хороший анализ распространенного среди поляков восприятия истории страны и ее сегодняшнего положения в мире с точки зрения геополитики содержится в кн.: L. Moczulski, *Geopolityka. Potęga w czasie i przestrzeni*, Warszawa: Bellona, 1999, s. 557–571, .

возможностей. Может быть, впервые в новейшей истории (после 1918 г.) стране выпал шанс отмежеваться от зачастую фатальной «логики геополитики». В общем и целом этот выбор был также выбором между дальнейшим пребыванием в российской сфере влияния на правах относительно слабого государства и бегством от такой судьбы путем присоединения к западному сообществу, гарантирующему безопасность своим участникам. Следует ли из вышесказанного, что выбор, который сделала Польша, означал лишь ее бегство из одной сферы влияния – российской – в другую, западную?

Термин «сфера влияния» определяется в «Политическом словаре» Сафира следующим образом: «сфера влияния: слабая в экономическом или военном отношении территория, находящаяся под преобладающим влиянием какой-либо великой державы обычно по соглашению с другими великими державами или с их молчаливого согласия». Концепция эта явно относится к реалистическому вокабуляру и к сфере силовой политики. Термин «сфера» имеет весьма четкое территориальное, пространственное измерение, тогда как слово «влияние» в данном контексте означает не что иное, как способность навязать кому-либо свою волю, пользуясь превосходством в «силовом потенциале».

НАТО и Европейский Союз обладают четко выраженным пространственным измерением, поскольку их составляющие – это территориальные государства-нации; следовательно, можно сказать, что они представляют собой своего рода «сферы». Кроме того, каждая из этих сфер оказывает непосредственное влияние на целый ряд проблем, ключевых для всего региона. Данное влияние, однако, имеет иную природу, нежели классическое «реалистическое» прочтение существующих международных отношений. Участники этих образований подвергаются влиянию, но оно по большей части является не навязыванием чужой воли, а результатом оговоренного компромисса. Территории, примыкающие к внешним границам указанных союзных образований, следует характеризовать скорее как «сферы притяжения», а не как «сферы влияния» в классическом смысле слова. Страны, которые стремятся стать членами обеих организаций, идут на этот шаг по собственной воле, поскольку считают, что он соответствует их «национальным интересам».

Следует отметить, что в век глобализации и экономизации изменилась и сама природа влияния. Запад, как правило,

оказывает свое влияние на других, добываясь их покорности не с помощью угроз (хотя в некоторых случаях используются не только угрозы, но и сила - например, в бывшей Югославии), а убеждая их, что демократические ценности и рыночная экономика, представителем которых он выступает, помогут решить стоящие перед ними проблемы более эффективно, чем война, межплеменная ненависть или этнические чистки.

Такой подход делает мышление в чисто геополитических и реалистических категориях хотя бы отчасти неадекватным. Кроме того, он самым явственным и довольно положительным образом отразился на российско-польских отношениях после вступления Польши в НАТО. Получив от альянса гарантии «твердой безопасности» и став членом клуба, представляющего собой западные ценности, Польша смогла смягчить свое отношение к России. Это означало, что Польша получила возможность строить свои связи с Россией не на основе антирусской фобии, уходящей корнями в прошлое⁴³, а на трезвой оценке потенциальных выгод и рисков, связанных с таким сотрудничеством. Членство в НАТО дает Польше чувство уверенности в себе, столь необходимое для перестройки ее отношений с Россией, ставших натянутыми из-за споров о польском членстве в НАТО; войдя в НАТО, Польша тем самым подписалась под рядом принципов, перечисленных в «Исследовании по проблемам расширения», которое было опубликовано по заказу альянса в сентябре 1995 года; принципы эти призваны способствовать развитию добрососедских отношений внутри альянса, а также вне его - со всеми соседями, включая Россию.

В интервью, данном министром иностранных дел Польши Брониславом Геремеком радиостанции «Свободная Европа» всего за две недели до официального вступления страны в НАТО, о будущей польской политике в отношении России говорилось следующее: «Нашему диалогу и сотрудничеству с Россией следует придать взвешенность - теперь мы займемся этим вплотную с большей определенностью. Россия понимает, что Польша становится членом НАТО, и сказать „нет“ Россия

⁴³ Не без известных на то оснований книга, анализирующая отношение поляков к России и к попыткам Польши избавиться от российского господства, озаглавлена весьма многозначительно: «Как разрушить Российскую Империю?». Более подробно по этому вопросу см.: A. Nowak, *Jak rozbić rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej 1733-1921*, Kraków: Arcana, 1999.

не в состоянии. В данном случае возможность российского вето исключается. Со своей стороны, Россия может найти во вступлении Польши в НАТО прекрасный довод в пользу улучшения своих отношений с НАТО. Польша, будучи членом НАТО, станет страной, наиболее заинтересованной в установлении хороших отношений между Россией и НАТО»⁴⁴.

Представляется, что Геремек был прав в своих прогнозах относительно будущего развития отношений с Россией и что русские также поняли, что членство Польши в НАТО не угрожает интересам России вне сферы геополитики. Еще до вступления Польши в НАТО в России стали раздаваться голоса, утверждавшие, что буде такое случится, это не обязательно создает военную угрозу России. И Николай Михайлов, заместитель министра обороны России, и адмирал Егоров, тогдашний командующий российским Балтийским флотом, и новый губернатор Калининградской области заявили в канун расширения НАТО, что подобное решение трудно проглотить, но оно не представляет собой непосредственную угрозу для России⁴⁵.

Во время своего визита в Польшу, состоявшегося в марте 2001 года, Сергей Иванов, «персона номер два» в путинской России и тогдашний секретарь могущественного Совета безопасности, отметил, что его посещение Польши – это признак оттепели в польско-российских отношениях⁴⁶. Он также объявил о запланированных визитах на высоком уровне – Польшу должны были посетить российский премьер-министр М. Касьянов (в мае 2001 года), спикер Государственной Думы Геннадий Селезнев и даже президент России Владимир Путин⁴⁷ (который в конце концов прибыл в Варшаву в январе 2002 года).

⁴⁴ RFE/RL Newslines 02.03.1999.

⁴⁵ Заявление Михайлова цитировалось агентством Интерфакс 02.12.1998, заявление Егорова - агентством ИТАР ТАСС 10.02.1999.

⁴⁶ Президент Путин, обращаясь с речью к сотрудникам министерства иностранных дел 26 января 2001 г., тоже дал положительную оценку отношениям с Польшей, сказав следующее: «Из общего, в целом благоприятного, контекста явно выпадают некоторые проблемы, с которыми Россия сталкивается в Балтии, Центральной и Восточной Европе. Резервы в работе на этом направлении тоже есть. Примером тому может послужить выравнивание наших отношений с Польшей».

⁴⁷ „Rzeczpospolita” 24.03.2001; РИА Новости. – 2001. – 23.03.

Заявление Иванова о важности экономического сотрудничества – признак нового, более ориентированного на экономику, подхода к отношениям между Россией и Польшей. Польша является пятым по значимости торговым партнером России, причем баланс их торговли сводится с огромным профицитом в пользу России⁴⁸, а также важным звеном транзита российского газа на запад. России было нелегко смириться с перспективой членства Польши в НАТО, но после того, как оно стало свершившимся фактом, Россия, кажется, приспособилась к новой ситуации и выработала гораздо более конструктивный и реалистический подход к делу сотрудничества с Польшей. Комментируя состоявшийся 21 июня 2001 года визит польского министра иностранных дел в Москву, представитель российского МИДа Александр Яковенко охарактеризовал российско-польские отношения как «конструктивный диалог», а затем сказал, что Россия придает огромное значение налаживанию связей с этой важной европейской державой и полезным торгово-экономическим партнером. По его словам, Россия готова строить эти связи на основе прагматизма, добрососедства и взаимного соблюдения интересов сторон, а также стремится к тому, чтобы в центре внимания оказались не противоречия, а общие интересы⁴⁹.

Существовало много точек зрения на улучшение отношений между Польшей и Россией. Оно могло означать важное изменение в российской долгосрочной стратегии, что давало бы определенные надежды на положительное решение дилеммы в вопросах безопасности, перед которой оказались Балтийские государства, стремящиеся в НАТО, чтобы заручиться теми же гарантиями безопасности, какими пользуются старые и новые члены альянса. Если Россия смогла примириться с польским членством в НАТО, а российская оценка отношений между новоиспеченным членом альянса и Москвой стала достаточно положительной спустя лишь два года после вступления Польши в НАТО, почему участие

⁴⁸ В период 1992-1999 гг. суммарный российский профицит в торговле с Польшей достиг почти 7,5 млрд. долл. США. Только в 1999 г. Россия экспортировала в Польшу товаров на 2,6 млрд. долл., тогда как стоимость импорта из Польши составила лишь 0,6 млрд. долл. Российский же профицит, например, в торговле с Индией, страной, объявленной стратегическим союзником России, за весь период 1992-1997 гг. не превысил 52 млн. долл. Все данные приводятся по справочнику: *Direction of Trade Statistics Yearbook 1999 and Direction of Trade Statistics Yearbook 2000*.

⁴⁹ <http://www.russianobserver.com/print/993117576.html>

Балтийских стран в этой организации непременно приведет к ухудшению ситуации в Европе?

В ходе своего визита в Финляндию в начале сентября 2001 года президент В. Путин послал Западу несколько позитивных сигналов относительно возможного членства Балтийских государств в НАТО. На совместной пресс-конференции, в которой приняли участие он и президент Финляндии Т. Халоннен, Путин сказал, что в России не готовится никакой истерической кампании в связи с намерением Балтийских государств войти в состав НАТО, и, по его мнению, таков был их собственный выбор, но Россия, со своей стороны, не видит никаких объективных причин, по которым странам Балтии было бы необходимо вступать в НАТО. Хотя тут же последовала стандартная фраза об ошибочности расширения НАТО, ей сопутствовала весьма положительная оценка Путиным общеевропейской ситуации в области безопасности – в частности, он заявил, что только в разгоряченном мозгу может родиться мысль об агрессивности какой-либо страны в Европе, включая Россию»⁵⁰.

Это негативное или, скажем, недоброжелательное отношение России к идее расширения НАТО прослеживается даже после исторического поворота российской политики к сотрудничеству с Западом, который произошел после событий 11 сентября. 28 мая 2002 года президент Путин подписал эпохальное соглашение с НАТО, впервые предоставившее России место за столом, где принимаются решения о деятельности этой организации. Тем не менее, уже неделю спустя он сделал весьма символический жест, заявив, что Россия не собирается участвовать еще в другом историческом событии – Пражском саммите НАТО, на котором ожидается рассылка еще одной партии приглашений ко вступлению в альянс.

Двусмысленность позиции, занятой Россией, не может не вызвать настороженности у некоторых аналитиков. Наблюдаемое улучшение отношений между Польшей и Россией, заявляют они, вполне вероятно вызвано не только прагматическими или геоэкономическими причинами; за ним, возможно, скрывается какая-то геополитическая или «реалистическая» программа. Ежи Помяновски, один из ведущих польских специалистов по России, дает еще менее позитивную оценку сложившейся ситуации. В своем пространном анализе поль-

⁵⁰ Цитируется в “Jamestown Monitor” 06.09.2001.

ско-российских отношений, опубликованном в «Газете wyborчей»⁵¹, он посылает польским, западным и российским политикам предупреждение о том, что Россия, возможно, использует геоэкономические инструменты для достижения чисто геополитических целей, что такая политика может привести к новому расколу Европы, к новой «Ялте» и к возрождению российской имперской идеи.

При этом он ссылаясь на дебаты относительно строительства нового газопровода, который позволит перекачивать на запад газ из месторождений Ямала; этот газопровод будет сооружен параллельно уже существующей трассе, пролегающей по территории Польши. В 2000 году «Газпром», действуя, может быть, по поручению российского правительства, выдвинул предложение, чтобы новый трубопровод строился по проекту, позволяющему сократить поставки газа Украине, не подрывая при этом способность России снабжать «голубым топливом» рынки Запада. Для осуществления проекта требовалось согласие Польши. Помяновски расценивает данное предложение как способ реставрации российского экономического – а затем и политического контроля над Украиной. Поскольку Помяновски, как и многие другие, убежден, что эффективный контроль над Украиной есть одно из предварительных условий для возрождения России в качестве великой державы, он пришел к заключению: «путь к воссозданию Российской империи проходит по этому газопроводу». Для осуществления такой политики России нужно улучшить отношения с Польшей и необходимо польское согласие; дав свое согласие, Польша тем самым предаст дело украинской независимости и предоставит России возможность реализовать свои имперские замыслы в ближнем зарубежье. По мнению Помяновского, такой ход событий будет означать конец независимой украинской государственности, начало нового раскола Европы, подобного тому, что был основан на Ялтинских соглашениях, и превращение Польши в прифронтовое государство на восточных рубежах НАТО⁵².

⁵¹ J. Pomianowski, *Pacjent pierwszego kontaktu* // „Gazeta Wyborcza” 28-29.07.2001.

⁵² Аналогичная интерпретация дебатов по вопросу о новом газопроводе дается и одним из ведущих «мозговых трестов» США в области международных отношений. Она содержится в статье, касающейся перемен на

Блестящий анализ, проделанный Помяновским, еще раз высветил новую взаимозависимость, возникшую между вопросами экономики и проблемами «жесткой» безопасности, а также всю сложность процессов, которые протекают в Европе после окончания «холодной войны». Два примера, проанализированные в нашем исследовании, показывают, что природный газ вполне может использоваться в качестве эффективного, хотя и обоюдоострого, оружия в существующей ныне новой реальности, где старые геополитические идеи перемешиваются с новыми геоэкономическими и либеральными концепциями, создавая «гремучую смесь», с которой следует обращаться очень осторожно, чтобы газ не превратился в топливо, питающее очаги конфликтов, ранее не виданных в Европе.

Заключение

Рассматривая подходы, избранные Норвегией и Польшей в их отношениях с Россией, необходимо четко осознавать, что основные идеи, стоящие за этими отношениями после окончания «холодной войны», в каждой из этих стран абсолютно специфичны.

И Норвегия, и Польша провели постсоветский период в попытках добиться «нормализации» своих отношений с Россией. Однако, «нормализация» означала для них две совершенно разные вещи. Норвегия старалась относиться к России без предубеждений и выказала заинтересованность в наведении мостов (проект «БЕАР» – важнейший тому пример). В своих отношениях с Россией страна приступила к политике «новых начал», будучи уверенной, что Россия вот-вот «европеизирует» проводимую ею внешнюю политику, а также политику в области безопасности и превратится в «нормальное» европейское государство. Польша – из-за своего исторического опыта – была в какой-то мере обречена на осуществление такой политики «нормализации» отношений с Россией, которая должна была восприниматься российским истеблишментом как попытка дистанцироваться от бывшего гегемона и союзника. Короче говоря, норвежская политика являлась политикой «сближения» с Россией, поскольку

экономической карте Евразии. См.:

<http://www.stratfor.com/europe/commentary/0011142010.htm>

Норвегия стремилась к более тесным, чем в прошлом, отношениям с этой страной; польская же политика по отношению к России была политикой «отторжения», так как страна стремилась дистанцироваться от России и встала на путь сближения с Западом.

Норвегия выбрала для себя активную политику наведения мостов и уменьшения политических брешей в отношениях с Россией, политику, можно сказать, уходящую корнями – причем в очень значительной степени – в институционально-либеральное восприятие сферы международных отношений. Одной из самых важных норвежских инициатив, отражающих конституционально-либеральный подход, было создание Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР) в январе 1993 года. Становление этой новой формы регионального сотрудничества явилось своего рода проявлением политической воли, направленной на превращение России в часть более широкой европейской институциональной структуры, и казалось, что сама Россия была заинтересована в таком сближении со своими западными соседями, поскольку в шедшей там в 1993 году политической дискуссии доминировал так называемый «атлантистский подход», предусматривавший развитие более тесного сотрудничества между Россией и Западом.

Что же касается Польши, то ее политика в отношении России исходит не столько из трезвой оценки целей и интересов, сколько из исторического опыта и поиска своей новой «международной роли». Главную цель внешней политики Польши в судьбоносные годы, определявшие будущность польской государственности, можно охарактеризовать как бегство из российской сферы влияния. Следовательно, чтобы «дистанцироваться» от России, было очень важно провозглашать и акцентировать прозападный политический курс новой Польши.

Норвежская политика в отношении России может быть определена как политика готовности к сотрудничеству. Благодаря тому, что Норвегия была участником дееспособного военного альянса и надеялась – по крайней мере в начале 1993 года – стать частью более широкой европейской политико-экономической структуры, страна считала себя в достаточной безопасности, чтобы проводить по отношению к своему восточному соседу политику «подключения». Членство в НАТО надежно гарантировало Норвегии ее место в трансатлантическом сообществе и делало политику открытости по

отношению к России вполне безопасной игрой, так как Норвегия всегда могла рассчитывать на поддержку со стороны своих союзников по НАТО, если бы ее двусторонние связи с Россией приняли нежелательный оборот.

Для Польши ее членство в НАТО – теоретическое до 1999 года и действительное после 1999 года – было средством достижения стратегической цели – «бегства» из российской сферы влияния.

Получив то, что в Польше – с известной натяжкой – считается абсолютной гарантией безопасности, которую обеспечивает членство в НАТО, страна открыла новую главу в истории своих отношений с Россией и проводит теперь политику создания двусторонних связей, основанных на подлинном признании законных интересов друг друга. Одно из бытовавших в России опасений, связанных с польским членством в НАТО и никогда не высказывавшихся на официальном уровне, касалось умозрительной возможности, что Польша принесет в НАТО определенный настрой, считавшийся в Москве антироссийским, и тем ухудшит отношения между НАТО и Россией. Следует помнить, однако, что сохранение дружеских отношений между альянсом и Россией – в интересах всех натовских соседей России, как старых, так и новых, поскольку любое ухудшение этих связей сразу же отразится самым отрицательным образом на ситуации в старом и новом российско-натовском приграничье.

С английского перевел А. Юрасовский
(перевод авторизованный)